Полисы страхования ответственности директоров (Directors & Officers, D&0) в России покупают около 2% компаний, в основном государственных. Страховщики могут не бояться массовых убытков по ним — основная часть претензий к российским директорам связана с недобросовестными действиями. А это не повод для выплаты.

Минувший год запомнился двумя крупными скандалами вокруг премий руководителям компаний. В октябре энергетический холдинг «РусГидро» заявил гражданский иск о взыскании 706 млн руб. с экс-главы Евгения Доду. Как сообщал РБК, премии на такую сумму Дод, по мнению нынешнего руководства «РусГидро», необоснованно начислил правлению по итогам 2013 года. Сейчас Евгений Дод находится под домашним арестом по обвинению в растрате (следствие оценивает ущерб в 198 млн руб., эту сумму Дод возместил).

А в ноябре Генпрокуратура посчитала незаконной выплату генеральному директору «Почты России» Дмитрию Страшнову вознаграждения в размере 95,4 млн руб. Материалы были направлены в Следственный комитет, но решение по результатам проверки еще не принято.

Эти риски могли бы стать поводом для выплаты по полису БеЮ (страхования ответственности директоров и должностных лиц), рассуждает собеседник РБК+ на финансовом рынке. У «РусГидро» страховка была: в июне 2016-го компания одобрила договор Do O на 2016 год с покрытием $30 млн. Как следует из материалов компании, страховщиком выступил СОГАЗ, который получил за договор $36 тыс. премии, однако была ли выплата по делу Дода, страховщик не говорит. О наличии полиса у «Почты России» неизвестно. Впрочем, возражает другой финансист, на данном этапе страховка была бы не задействована, так как до расследования и иска в отношении главы «Почты России» дело не дошло.

Всего за прошлый год страховщики насчитали в стране 82 расследования, которые имеют признаки страхового случая по полису БеЮ. Такие цифры приводил президент страховой компании AIG Роман Тихоненко.

Полисы БеЮ покрывают убытки лиц, чьи интересы пострадали из-за неверных решений директора, — миноритарных акционеров, государства, клиентов, партнеров, сотрудников и т.д. Страховка защищает директора от претензий, только если он добросовестно ошибался. В случае признания судом уголовного деяния оплачиваются только услуги адвокатов. «В рамках БеЮ возмещаются расходы на юридическую защиту, выплаты возмещений по решению суда и в рамках досудебного урегулирования, расходы на восстановление репутации, PR-службы. Исключение — доказанный злой умысел и криминальные действия», — перечисляет возмещения зампред правления Российской национальной перестраховочной компании Наталья Карпова.

Кто покупает

Первый полис БеЮ в России был продан в 1996 году, а до 2014 года выплаты были единичными. Сегодня, по оценкам страховщиков, БеЮ покупают 1-2% компаний в стране, в первую очередь перед выходом на IPO и с листингом на западных рынках (за рубежом проникновение по отраслям достигает 90%). Это в основном крупный бизнес. Например, в СОГАЗе на ю млрд руб. застрахована ответственность директоров ПАО «Россети» (премия составила 23 млн руб.), «Ростелекома» (лимит — €150 млн на три года), членов набсовета и правления компании АЛРОСА (лимит по трехлетнему полису составляет $300 млн, цена контракта — $360 тыс.), топ-менеджеров Сбербанка (лимит на год — 4,6 млрд руб., премия — 28 млн руб.). 80-90% рисков БеЮ перестрахованы в западных компаниях, уточняет заместитель гендиректора «ВТБ Страхования» Алексей Володин.
Рынок БеЮв России составляет примерно $85-90 млн сборов, оценивает замглавы департамента страхования финансовых линий СК «Альянс» Вадим Михневич; по его словам, ежегодно премии растут примерно на 15%. Согласно оценкам директора по продажам компании «Уралсиб Страхование» Алексея Беляева, сборы превысили $50 млн. Количество таких полисов в стране оценивается от 500 до 2-3 тыс. штук.
Кому платят
На Западе рынок БеЮ богат историями выплат. Участники рынка рассказывают, например, такую историю. В Италии компания предъявила претензии финдиректору филиала: он не принял мер, чтобы сотрудники держали в тайне свои компьютерные пароли, в результате компания пострадала от мошенничества на 400 тыс. Суд встал на сторону истца, и страховка покрыла €400 тыс. ущерба (страховщик добился снижения суммы, убедив суд, что часть вины лежит на самой компании) и 90 тыс. расходов на защиту.
Еще одним примером с рынка поделился руководитель отдела страхования финансовых рисков AIG в России Владимир Кремер.
По его словам, в Европе рассматривается иск на е8 млн акционеров дочерних компаний обанкротившегося холдинга против его финдиректора. Он направлял деньги, причитающиеся дочерним компаниям, через материнскую, пытаясь оптимизировать потоки внутри группы и дать возможность головной компании выжить в условиях кризиса. Суд признал финдиректора виновным в плохом управлении. «Уже оплачено более €650 тыс. расходов на защиту, но, вероятно, страховщику придется выплатить полный лимит по полису (ею млн)», — рассказывает Кремер.
У AIG есть и собственный опыт. По словам Владимира Кремера, в Великобритании акционеры и кредиторы обанкротившейся компании пытаются взыскать ?35 млн с гендиректора и финдиректора. Их обвиняют в том, что они скрыли от совета директоров важную информацию, и если бы не это, то совет воздержался бы от решений, которые привели компанию к краху. «Мы уже заплатили ?900 тыс. расходов на защиту, и, по оценкам, только защита будет стоить почти ?3 млн. Мы работаем над мировым соглашением с истцами, что позволит урегулировать дело за меньшую сумму», — комментирует Владимир Кремер.
Ошибки российских управленцев
Историями выплат в России страховщики делятся скупо, ссылаясь на договоры о неразглашении. В 2014 году газета «Ведомости» выяснила, что страховым случаем по полису DeO был признан домашний арест главы АФК «Система» Владимира Евтушенкова по уголовному делу, связанному с покупкой «Башнефти». По информации

издания, страховщик взял на себя оплату работы адвокатов. До этого полис DeO покрыл расходы на защиту гендиректора «Уралкалия» Владислава Баумгертнера, задержанного летом 2013 года в Минске по обвинению в злоупотреблении должностными полномочиями.
Кроме того, полис DeO сработал в истории, когда компания предъявила претензии в упущенной выгоде более чем на 400 млн руб. к совету директоров за одобрение договора поставки нефти по цене значительно ниже рыночной, рассказывает Владимир Кремер. Суд встал на сторону истца, и страховка покрыла 400 млн руб. требований и 2 млн руб. расходов на адвокатов.
Еще одна история с российского рынка: акционер подал иск на 5 млн руб. к гендиректору и председателю совета директоров компании. По мнению истца, гендиректор подписал договоры аренды помещений на невыгодных условиях, по ценам ниже, чем в предыдущие годы. Однако суд отклонил иск, решив, что сдать помещения выгоднее было невозможно — здания 1912 года постройки не были офисными, там не было парковки, а количество телефонных линий ограниченно. Полис D(c)0 покрыл расходы на защиту директора — около 2 млн руб.
Суммы убытков на нашем рынке варьируются от 1 млн руб. до $1 млн, оценивает Владимир Кремер. Самый крупный убыток в стране превысил $3 млн, знает Алексей Беляев: «Он до сих пор не урегулирован, и сумма может вырасти».
Специфика DeO в России состоит в том, что основная часть претензий к менеджерам связана с их недобросовестными, а не ошибочными решениями, что исключает применение страховки, говорит партнер Saveliev, Batanov Partners Максим Белозеров. В «Росгосстрахе» подтвердили, что клиенты часто интересуются, как можно покрыть риски мошенничества менеджмента и неисполнения договорных обязательств (в России их застраховать невозможно).
Российская специфика корпоративного управления способствует минимизации выплат по таким полисам. «Обычно структура собственности компаний в России — это один или несколько крупных акционеров, которые назначают лояльный менеджмент при пассивном участии миноритариев. В иностранных юрисдикциях собственность обычно разделена между большим количеством лиц, менеджмент более независим, но каждый из акционеров отслеживает принятые решения и готов защищать свои права», — рассуждает Максим Белозеров.

Источник: РБК, 29.05.2017